

«Меркаба» И. А. Аксенова в контексте его книги стихов «Неуважительные основания»: опыт интерпретации¹

Стихи футуриста Ивана Аксенова² до последнего времени лишь изредка становились объектом научного исследования. Его тексты из-за высокой степени «странности» и непонятности, прежде всего обусловленной многочисленными эллипсисами, при которых опускаются слова, синтаксические единицы, грамматические элементы, обычно толковались как опыт кубистического письма [см.: Гельперин 1989; Ичин 2012; Bowlt 2012], близкий к практике футуристической группы «Гилея» [см.: Markov 1968: 273]. Семантика здесь сводится почти к нулю в пользу живописного эффекта. Выяснение того, о чем именно идет речь в отдельно взятых стихотворениях, в этой перспективе теряет смысл. Именно поэтому многие стихи Аксенова до сих пор остаются необъясненными.

На примере некоторых стихотворений нами уже было показано ранее, что поиск значения в поэзии Аксенова отнюдь не лишен смысла [см.: Фарсетти 2014; Farsetti 2015]. Аксенов считает целью всякого искусства передачу прочувствованного художником, изображение невещественных чувств. Это требует от художника использования конкретного материала (красок, звуков, слов и т. д.), который условно отсылал бы к прочувствованному. Задача художника в данном случае состоит в том, чтобы разработать эффективные приемы

---

¹ Выражаю благодарность Алине Бодровой и Артему Шеле за ценные замечания.

² Иван Александрович Аксенов (1884—1935) — критик, поэт, переводчик. В 1916 г. примкнул к футуристической группе и издательству «Центрифуга», под маркой которого опубликовал первую в России монографию о творчестве Пикассо («Пикассо и окрестности», 1917), переводы пьес английских драматургов эпохи Шекспира («Элизаветинцы», 1916), драму «Коринфяне» (1918) и свой первый сборник стихов («Неуважительные основания», 1916). Второй сборник («Эйфелея» или «Эйфели», 1916—1918) оставался неизданным до последнего времени [см.: Аксенов 2008/2: 116—145]; недавно стало известно, что поэт собирался писать третью книгу стихов, но, видимо, проект не был осуществлен [см.: Фарсетти 2015]. О биографии Аксенова см.: Адаскина 2008: 321—335; Адаскина 2012.

Было так сладко, что хотелось повеситься.
Разверчивая путь коленчатый,
Дважды или вшестеро
(Ad libitum) перекрещивала
Лыжи
Разговор искренноживый —
От роду ему лет восемь с перерывами...
Вашими молитвами!
[Аксенов 1916: 7].

Однако во второй половине стихотворения — вполне понятное размышление, где, кстати, легко узнаются некоторые библейские отсылки:

Только даром почему столько добра пропадает? —
Ежедневно включают на куполе непонятные рекламы,
Не глядят на них ни мужья, ни их дамы,
Ни обоюдные их поклонники
Воробьи окончательно занялись колокольнями,
А энтропиято, можно сказать, возрастает.
К чему такая трата мира?
Я ведь не скарעד
Но всему есть мера —
Есть она и нашему терпению:
Это ведь не проволочное терние —
То по всем садам
(Виноват Адам)
Произрастает
В изобилии...
[Аксенов 1916: 8—9].

Среди стихотворений «Неуважительных оснований» выделяется «Меркаба», не только из-за военной тематики, но и потому, что семантическая стратегия автора здесь несколько меняется. Хотя произведение строится по методу, уже описанному выше, алогичность речи здесь можно объяснить прежде всего попыткой воспроизвести бред больного. Кроме того, если тексты сборника обычно безыдейны и новаторство Аксенова проявляется прежде всего в манере изложения, позволяющей обдумать по-новому

незначительный эпизод, то в «Меркабе» синтаксис более традиционен, и поэтому, как кажется, появляется возможность обнаружить общую объединяющую концепцию текста. Выявлению этой концепции и описанию приемов ее воплощения посвящена настоящая статья.

Хотя подобные «Меркабе» эллиптические тексты рассчитаны на постоянное творческое соучастие читателя и поэтому потенциально открыты множественным прочтениям и интерпретациям, субъективность толкования можно значительно снизить, если проявить должное внимание к текстуальным данным и особенностям авторской позиции. Надо также заметить, что «непонятность» стихов Аксенова может иногда иметь сугубо текстологическую природу: кроме возможной незавершенности ряда неизданных при жизни Аксенова произведений, в существующих публикациях приходится подозревать присутствие ошибок и опечаток, которые трудно отличить от намеренных авторских языковых «искажений» в рамках авангардных игр со словом. Наличие в большинстве случаев только одной редакции текста не позволяет провести сличение и выбрать правильный вариант⁴. В таких условиях комментатор вправе предложить исправления, разъясняющие смысл текста. К такой операции приходится прибегнуть и в случае «Меркабы»⁵.

¹ В Женеву малоезжий путь
Светлей пути в Дамаск
Его огней не отпугнуть
Многолеорду каск. ⁴

² Мне, будто, восемнадцать лет,
Меня не проведут:
Я вижу полосатый плед

⁴ К сожалению, единственное переиздание стихов в недавнем собрании сочинений Аксенова [см.: Аксенов 2008] ненадежно для исследований: в нем есть дополнительные ошибки, допущенные составителем, и опечатки, которые делают поэзию Аксенова более сложной, эксцентричной и непонятной, чем она есть на самом деле.

⁵ Мы будем цитировать текст стихотворения по прижизненному изданию «Неуважительных оснований» [см.: Аксенов 1916: 33—34]. Предлагаемые конъектуры даны в угловых скобках. Слева от первой строки каждого четверостишия приводится номер строфы, справа от последней строки каждой строфы — номер строки.

Интерпретация стихотворения «Меркаба» И. А. Аксенова

	И надоконный прут,	8
3	Через пятьдесят пять минут, Не изменяя курс, Пересекать не преминут Нагорный город Курск.	12
4	Но (не определю) разъезд Или, <лишняя запятая> размыв пути, На выключенье ранних звезд Настаивал идти.	16
5	Там непомерно звездой Горела медь свистка, Над отуманенной водой Светающе<й> <с>легка.	20
6	Так <Там> больше не цвела сирень, А золотой жасмин С тех пор не обращал плетень В глазурный каолин,	24
7	Всего же волшебства острей Был чуткий паровоз, Сквознейший балерин кисей И тени от стрекоз;	28
8	От рельса золотой росы, За облака ввинтятся, Святые осенял часы Земленебесный князь.	32
9	Им кто-то, видимый едва, Комуто говорил, Я и не разбираю слова, Но голос звонкий был.	36
10	Припоминаю паровик, Пожалуй потому Что с этого в любви привык Не верить ничему.	40

11 Всеосиянной луч косою
Застраховал меня
Неслышной поступи босою
Прозрачнее огня. 44

12 августа 1915 года на Буге, ночью, когда было страшно.

Самые очевидные данные, задающие направление интерпретации стихотворения, — заглавие и заключительное упоминание даты и места. Они могут указывать либо на время создания произведения, либо на описанные в нем события. Слово «Меркаба» (или «Меркава») отсылает к библейскому видению Иезекииля (Иез. 1, 4—26) и мистической теме; дата и место — к реалиям Первой мировой войны. К рассуждениям о значении заглавия мы еще вернемся, а теперь укажем на биографический контекст стихотворения. Известно, что Аксенов, инженер саперной роты, участвовал в сражениях против немцев в районе реки Западный Буг и в последующем отступлении русских войск из Польши. Об этом упоминается в его послужном списке: «В ночь на 7 августа 1915 производил со своей партией порчу бродов через р<еку> Западный Буг у дер<евень> Заремба, Добранечь и у хутора Чипеевичи под непрерывным артил<л>ерийским огнем неприятеля» [РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 104171: 6 об.; ср. также: Адаскина 2012: 15].

Очевидно, броды были испорчены, чтобы воспрепятствовать продвижению противника; но это событие относится к 7 августа, а о «страшной» ночи 12 августа 1915 г. здесь не упоминается. Русская армия в это время терпит серию тяжелых поражений. В хронике этого периода отметим следующие даты:

Наступление между Вислой и Бугом было начато 13 (26) июня, а 30 июня (13 июля) началась Наревская операция. После ожесточенных боев фронт был прорван в обоих местах, и русская армия, как и было предусмотрено германским планом, начала общий отход из Царства Польского. 22 июля (4 августа) были оставлены Варшава и крепость Ивангород, 7 (20) августа пала крепость Новогеоргиевск, 9 (22) августа — крепость Осовец, 13 (26) августа русские оставили *Брест-Литовск*⁶, а 19 августа (2 сентября) — Гродно [Миронов 2014: 141—142].

⁶ Курсив мой. — А. Ф.

Легко представить, что события 12 августа, на которые намекает Аксенов, связаны с потерей Бреста (города, близкого к реке Западный Буг) в последующий день. Однако даже если автор не отсылает к каким-то реальным боям той ночи (сведений о которых найти не удалось), предикат «страшно» по крайней мере должен обозначить чувства лирического героя.

Обе названные темы — мистицизма и войны — встречаются уже в начале стихотворения, где путь в Дамаск противопоставляется пути в Женеву. Первый путь — это явный намек на видение св. Павла, а второй, если учесть военный контекст и отсутствие городских реалий в тексте, видимо, должен ассоциироваться с Красным Крестом⁷, который тогда играл важную роль в обслуживании раненых и больных солдат;⁸ атрибут «малоезжий» может намекать на нехватку волонтеров. Смысл утверждения, что метафорический путь в Женеву светлее пути в Дамаск (т. е. к Богу), разъясняется в третьей и четвертой строках: Красный Крест не боится («его огней не отпугнуть») войск противника (используется метонимия «каска» и гиперболический архаизирующий неологизм с шутивным оттенком «многолеорд»); в то же время делается намек на то, что вера в Бога не выдерживает ужасов войны. Иными словами, в отрывке предлагается следующее утверждение: на войне конкретная помощь Красного Креста лучше сомнительной и неосязаемой помощи Бога.

Как в первой, так и во второй строках для верного их понимания нужно добавить некоторые имплицитные данные. Иначе непонятно, в каком смысле лирического героя «не проведут», будто ему «восемнадцать лет». Можно предположить, что герой не пойдет в бой (ср. устойчивое словосочетание «проводить кого-либо в армию / на войну»), поскольку в те годы возраст для призыва

---

⁷ К. Ичин не обратила внимание на возможное метонимическое употребление слова «Женева» и слишком категорически приняла его как знак урбанизма Аксенова [см.: Ичин 2012: 136].

⁸ Хотя нам не удалось найти официальных сведений о присутствии Российского общества Красного Креста (РОКК) прямо на Западном Буге, известно, что его работа развернулась на северо-западном фронте [ср.: Чистяков 2009]: маловероятно, что РОКК не следило за солдатами во время большого отступления 1915 г.

дикате «настаивал идти» (строка 16), вероятно, является поезд, к образу которого отсылают слова «разъезд» и «путь» в строках 13 и 14. Эти последние «темные» строки получают вполне прозрачное значение: лирический герой не может определить, какое препятствие мешает санитарному поезду идти. Остается разъяснить 15-ю строку: поезд продолжается свой путь «на выключенье ранних звезд». Вероятно, это своего рода перифраза, указывающая на время: звезды выключаются, т. е. гаснут, утром. В то же время это выражение описывает не только время, но и направление движения поезда: звезды гаснут сначала (отсюда атрибут «ранние») там, где поднимается солнце, т. е. на востоке. Этому пространственному прочтению способствует глагол («идти на») и предшествующее указание на маршрут поезда (Курск находится на востоке от Западного Буга).

Следующие строфы (5—7) кажутся чисто описательными. В 21-й строке можно предположить опечатку: правильным кажется «там» вместо «так», для получения синтаксического параллелизма с 17-й строкой («там горела... там не цвела...»). Наречие «там» — опять признак неопределенности (ср. 13-я строка), которая, вероятно, мотивирована невозможностью для лирического героя понять, где он и что происходит на самом деле. Он замечает «медь свистка» (паровоза), который горит, как звезда (это, возможно, род гиперболы для указания интенсивности звука). Не вполне понятно, к чему относятся слова «светающе» и «легка» (20-я строфа). Если к «воде» из предыдущей 19-й строки, то придется предположить двойную опечатку: звездообразная медь находится «над отуманенной водой», «светающе<й> <с>легка». Если допускать странную форму причастия и краткого прилагательного, то они относятся к «меди», и фразу следует читать так: светающе легкая медь свистка горела как непомерная звезда над отуманенной водой. В любом случае общий смысл разбираемого места, как кажется, такой: проезжающий какой-то мост поезд смутно отражается в воде. Кстати, не исключено, что прилагательное «отуманенный» метонимически описывает и состояние лирического героя, подразумевая, что он лишен возможности ясно мыслить.

Следуют впечатления о последствиях войны для природы: вероятно из-за пожаров больше нет сирени или жасмина. Из всех этих впечатлений (обобщенных словом «волшебство» в 25-й строке), наиболее ярким является впечатление от паровоза, уподобленного балетной пачке и тени (крыльям?) стрекоз. Может быть, речь идет о дыме паровоза (метонимия), или это намек на возможную нереальность всего увиденного лирическим героем.

Хотя некоторые обороты речи остаются туманными, несомненным в этих строках нам кажется возвращение к мотиву, заданному в начале текста и заглавии, к призрачному и волшебному видению. Этот мотив реализуется в полной мере в восьмом четверостишии, в котором появляется «земленебесный князь». Читатель автоматически идентифицирует его с Христом в силу его двойной природы и в связи с видением св. Павла, на которое сделан намек в первой строфе. В любом случае, надо сразу заметить, что появление Христа лишено всякого мистицизма, ему дается вполне рациональное объяснение в строках 29—30: это эффект света и воды (росы) на рельсах (действие происходит утром), а словосочетание «за облака ввинтятся» может отсылать к дыму паровоза, о котором говорится в предыдущей строфе. Не следует также недооценивать роль бреда в описании видения. Может быть, именно из-за него непонятно первое действие князя, «осенить святые часы»: под этим странным выражением, возможно, подразумевается «затенить» какие-то конкретные часы? Или можно предположить своеобразный сплав словосочетаний «осенять крестом» («перекрестить») и «святые часы» (церковная служба)?

Более ясной оказывается девятая строфа, в которой стихотворение достигает кульминации. Здесь происходит разговор между двумя неопределенными, призрачными существами. Может быть, это отсылка к разговору между Христом и Савлом на пути в Дамаск? Окончательно ответить на этот вопрос нельзя, потому что лирический герой не улавливает речь беседующих персонажей. Бесспорно одно: в отличие от видения св. Павла и вообще традиции христианских видений, в «Меркабе» не происходит никакого обращения, поскольку лирический ге-

рой признает, что это только иллюзия. Такое прочтение объясняет странное десятое четверостишие, в котором лирический герой говорит о своем скептицизме (42-я строка).

Несмотря на наличие некоторых не вполне ясных мест, до последней строфы стихотворение в общем похоже на отчет об одном событии (в духе других текстов сборника) — поездке раненого солдата в санитарном поезде. В этот отчет включена пародия на тему мистического видения. Напомним, что Аксенов всегда был против мистицизма в литературе, а именно в те годы в неизданных рецензиях и письмах резко осуждал смешение литературы и религии в представлениях об искусстве у Андрея Белого и Вячеслава Иванова [см.: РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 676: 1—7]. Кроме того, в эссе «Пикассо и окрестности», написанном в 1914—1917 гг., Аксенов издевался над критиками-символистами (особенно Н. А. Бердяевым), которые видели в живописи Пикассо оккультизм, приметы конца света и мистические поиски в области четвертого измерения, а не технические завоевания [Аксенов 2008/1: 212, 249]. Заглавие стихотворения имеет в этой перспективе явно иронический оттенок. Выбор метра (чередование 4-стопных и 3-стопных ямбов) усиливает иронию, поскольку этот же метр был использован в других пародических произведениях Аксенова, как «Эйфелея III» [Аксенов 2008/2: 118—119] и «Серенада» [Аксенов 1920] (в последнем — чередование 4-стопных и 2-стопных ямбов)¹².

Тем не менее последнее четверостишие заставляет читателя несколько переосмыслить стихотворение в целом. Лирический герой говорит, что видение («всеосиянной¹³ луч») «застраховало» его. Выходит, что вначале герой слышит голос, ничего не понимая (строфа 9), и подчеркивает, что это иллюзия

¹² К. Ичин не принимала во внимание эти аспекты и предполагала, что слово «Меркаба», наоборот, связана с мистическим настроением Аксенова [см.: Ичин 2012: 143].

¹³ Употребление старого мужского окончания «-ой», характерного для церковного языка, вместо обычного «-ый» — еще один лингвистический сигнал того, что речь идет о явлении святого существа.

(строфы 8, 10); а в конце он утверждает, что видение производит на него положительное воздействие (строфа 11).

Осознавая заведомую неоднозначность этих последних строф, можно попробовать выявить один возможный разъясняющий подтекст: ссылка на реку Буг должна вызывать в памяти русского читателя знаменитую битву Ярослава Мудрого против Святополка на Буге (22—23 июля 1018 г.). В этой битве Ярослав был поражен и вынужден был уступить престол Святополку. В голове у лирического героя сплетаются два горьких события русской истории, произошедших на реке Буг. Этот параллелизм, с другой стороны, служит хорошей приметой: как год спустя (1019 г.) на реке Альта Ярослав нанес окончательное поражение Святополку, так и русские войска наконец несомненно победят немцев, несмотря на критическую ситуацию в 1915 г. В стихотворении изображена не просто обманчивая галлюцинация, а вещий сон наяву: он застраховал лирического героя, т. е. служит гарантией конечной победы России в войне.

Не претендуя исчерпать резервы смыслов этого сложного и спорного стихотворения, предлагаю выделить одну объединяющую художественную задачу, бóльшую, чем вышеупомянутая насмешка над мистикой второго поколения символизма: прием эллиптического и «странного» изложения — это не просто эксперимент мимесиса (в данном случае — воспроизведение бреда), а, главным образом, выражение экзистенциальных переживаний автора в те страшные дни, когда многие боевые товарищи погибли или были ранены. В то же время через бред раненого солдата (в общем смысле — раненой России) мелькает вера в возмездие, надежда на которое обнаруживается в одном прецеденте из истории России, связанном с тем же местом.

СОКРАЩЕНИЯ

Адаскина 2008 — *Адаскина Н. Л.* Даты и факты жизни И. А. Аксенова. // Аксенов И. А. Из творческого наследия: В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 320—335.

Адаскина 2012 — «Белые» и «темные» пятна биографии И. А. Аксенова // *Aksenov and the Environs* / Eds. Kleberg L., Semenenko A. Huddinge, 2012. С. 7—20.

Аксенов 1916 — *Аксенов И. А. Неуважительные основания*. М., 1916.

Аксенов 1920 — *Аксенов И. А.* <Рец. на> Журналы «Пролетарская культура» № 13—14 — «Кузнец» № 1—3 // *Художественное слово*. М., 1920. С. 66—67.

Аксенов 2008 — *Аксенов И. А. Из творческого наследия: В 2 т.* М., 2008.

Гельперин 1989 — *Гельперин Ю. М. Аксенов Иван Александрович* // *Русские писатели 1800—1917*. М., 1989. Т. 1. С. 41—42.

Ичин 2012 — *Ичин К. О поэзии и живописи: Иван Аксенов и Александра Экстер* // *Aksenov and the Environs* / Eds. Kleberg L., Semenenko A. Huddinge, 2012. С. 133—146.

Миронов 2014 — *Миронов В. Б. Первая мировая война. Борьба миров*. М., 2014.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Танков, Златоверховников 1904 — *Танков А. А., Златоверховников Н. И. Путеводитель по городу Курску*. Курск, 1904.

Фарсетти 2014 — *Фарсетти А. «Серенада» И. А. Аксенова: к пониманию текста и контекста* // *Культурологический журнал*. 2014. № 4. С. 1—17.

Фарсетти 2015 — *Фарсетти А. Неизвестная книга стихов Ивана Аксенова «Оды и танцы»: попытка реконструкции* // *Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей: Сборник статей*. М., 2015. С. 116—124.

Чистяков 2009 — *Чистяков О. В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.): дис. ... канд. ист. н.* М., 2014.

Bowl 2012 — *Bowl J.* Vitrina and Afisha // Aksenov and the Environs / Eds. Kleberg L., Semenenko A. Huddinge, 2012. С. 123—131.

Farsetti 2015 — *Farsetti A.* Un futurismo alternativo: la poesia sperimentale di Ivan Aksenov // *Russica Romana*. 2015. № XXII. Roma. В печати.

Markov 1968 — *Markov V.* Russian Futurism: a History. Berkeley, 1968.